

Чэн Баоя, которая всё это время скрывалась, после того как её родственники уехали, осталась без крова. Дочь она уже отправила к бабушке и дедушке в деревню, но ситуация стала слишком серьёзной. Её муж, который служил в армии в Шаньдуне, и родственники мужа узнали о тайхуэй. Теперь она не могла вернуться домой, и кроме сберегательной книжки с несколькими десятками тысяч юаней, у неё ничего не осталось.

Когда она узнала, что Чэн Баоли вернулась, её первой мыслью было обретение опоры. Она больше не была одна, у неё была сестра! Но когда она вошла в дом и встала перед Чэн Баоли, почему-то её мысли были только о деньгах: «Деньги! Деньги! Деньги!» Она полностью ослепла от жажды денег. Дома не было, но что значил дом по сравнению с деньгами? Деньги могли купить еду, вещи, кучу всего. Что мог купить нищий дом?

Взгляд Чэн Баоя был наполнен одержимостью деньгами, в её мыслях и глазах остались только они. Пережившая нищету, она однажды разбогатела и теперь не думала ни о чём другом.

Чэн Баоя смотрела на Чэн Баоли, и в её глазах постепенно появлялась дикая жажда материальных благ и денег. Слухи о том, что Чэн Баоли стала богатой в провинциальном центре, разожгли в ней огонь.

Она вдруг бросилась к сумкам, аккуратно сложенным на столе, и, расстёгивая молнию, закричала:

— Не может быть, ты вернулась и ничего не привезла? Ты точно что-то привезла! Баоли, я же твоя сестра, как ты можешь меня обманывать?

В сумке, которую она открыла, не было ничего ценного, только сушёные закуски, подаренные соседями, и вино с арахисом от Цзи Юнь. Чэн Баоли уже всё упаковала, но теперь арахис рассыпался по всему столу.

— Что ты делаешь? — Чэн Баоли поспешно оттолкнула Чэн Баоя и снова застегнула молнию на сумке. Она думала, что эта женщина стала ещё более грубой и невыносимой, чем два года назад. Раньше, хоть и сдерживалась из-за сестринских отношений, теперь же она прямо лезла в её вещи!

Чэн Баоя, получив отпор, тут же решила, что в сумке наверняка что-то ценное, иначе Чэн Баоли не стала бы так нервничать. Она, как одержимая деньгами, думала только о них. Она считала, что раз они сёстры, то Чэн Баоли всегда помогала ей деньгами. Теперь, вернувшись с заработков, она точно должна дать ей денег.

Чэн Баоя, недолго думая, после того как её оттолкнули, начала притворяться обиженной и громко рыдать:

— Фабрика обанкротилась, у меня нет работы и доходов! Я твоя сестра, а ты, вернувшись с деньгами, даже не хочешь мне помочь!! Ты бессердечная.

Чэн Баоли чуть не рассмеялась. Она собрала рассыпанный арахис, снова упаковала его в пакет, завязала и застегнула молнию. Она хотела холодно сказать, что они не сестры, чтобы та скорее ушла, но почему-то слова застряли в горле. Вместо этого она тоже надула губы и сказала с плачущим видом:

— Кто сказал тебе, что я заработала деньги? Я вернулась, потому что скрываюсь от долгов. Я должна много денег!

— ...

Эти слова успешно заткнули Чэн Баоя. Она словно проглотила муху, её тошнило от услышанного. Она замерла и спросила:

— Долги?

Чэн Баоли притворилась:

— Да, тайхуэй. Мы с Чжэн Пин вложили все наши деньги, но тайхуэй развалился, и теперь мы должны много денег. Вот и вернулись скрываться.

Лицо Чэн Баоя побелело, и она отступила на полшага. Чэн Баоли, увидев это, усмехнулась про себя и продолжила:

— Кстати, я как раз хотела тебя спросить. У тебя есть деньги? Я слышала, ты заработала в тайхуэй. Можешь дать мне немного, чтобы я вернула долги?

Чэн Баоя снова отступила, ошеломлённая. Она сухо рассмеялась:

— Ты... ты врешь, я слышала, вы заработали деньги...

В этот момент дверь открылась, и вошёл Чжэн Пин. Чэн Баоли и Чэн Баоя вздрогнули. Чжэн Пин был одет в рваную рабочую одежду, на ногах — вонючие ботинки с маслозавода, волосы растрёпаны. Увидев Чэн Баоя, он сразу закричал:

— Старшая сестра! У тебя есть деньги? Одолжи нам немного, мы потом вернём.

Чэн Баоя, и так уже нервная, была ошарашена. Для неё «тайхуэй» было табу, а слово «долги» вызывало у неё панику и дрожь в руках. Она разбогатела за одну ночь, но теперь стала объектом всеобщей ненависти. Она каждый день боялась, что кто-то придёт и заберёт её деньги. Услышав просьбу Чжэн Пин одолжить денег, она, независимо от того, правда это или нет, запаниковала, боясь, что в следующую секунду на неё набросятся с требованиями.

Чэн Баоя инстинктивно отступила и крикнула:

— У меня нет денег!

Чэн Баоли и Чжэн Пин переглянулись, и супруги начали играть свою роль. Чэн Баоли сказала:

— Сестра, ты не можешь быть такой жестокой. Мы действительно должны много денег, но потом обязательно вернём. Раньше я всегда тебе помогала.

Чжэн Пин поддержал:

— Да, да, мы потом вернём. Мы же семья...

Чэн Баоя смотрела на них, её глаза становились всё шире, а в зрачках отражался только ей понятный страх. Наконец она закричала:

— Кто вам семья?! Я вас не знаю!

И она развернулась и убежала.

Чжэн Пин усмехнулся, жестом показал Чэн Баоли оставаться дома, а сам побежал за ней. Его вонючие ботинки распространяли зловоние, и, бегая, он оставлял за собой шлейф неприятного запаха. Он бежал за Чэн Баоя на расстоянии полуметра, не догоняя и не останавливаясь, от второго этажа до конца переулка:

— Старшая сестра, ты не можешь быть такой бессердечной. Мы всегда тебе помогали, а теперь нам нужна помощь, разве не должно быть так?...

— Отстань от меня!!

Чжэн Пин остановился у конца переулка, зловоние от ботинок чуть не свалило его с ног. Он посмотрел в сторону, куда убежала Чэн Баоя, и, фыркнув, вернулся. Внизу он поменял обувь и одежду с соседом, сказав:

— У тебя ноги так воняют, что я чуть не упал.

Сосед рассмеялся:

— Конечно, после ночной смены. Но зато я смог её прогнать.

Чжэн Пин переоделся и поднялся наверх. Как только он вошёл, Чэн Баоли начала хлопать в ладоши и смеяться. Супруги были довольны. Чэн Баоли спросила:

— Откуда у тебя эта одежда? Одолжил? Как ты додумался притвориться бедным?

Чжэн Пин вздохнул:

— Старые супруги понимают друг друга с полуслова. Я только переоделся, как услышал, как ты жалуешься на бедность и просишь денег. Я боялся, что вы подерётесь.

Чэн Баоли фыркнула:

— Я не такая глупая. Видишь, как я умно всё сделала? Попросила у неё деньги — и она сбежала! Теперь нам не о чем беспокоиться. Вернёмся в родной город, будем жить скромно, и никакие родственники не будут нам мешать.

Чжэн Пин сначала беспокоился, что Чэн Баоли расстроится из-за распада её семьи, но теперь всё было в порядке. В конце концов, что бы ни случилось, они были вместе, и он всегда будет защищать свою семью.

У маленького Хань И недавно появилась проблема: он начал мочиться в постель. Последние несколько дней это происходило почти каждую ночь. Чэнь Линлин старалась не давать ему пить перед сном, но это не помогало. Его «кранчик» словно открывался сам по себе, и каждую ночь постель оказывалась мокрой, а на следующий день приходилось сушить одеяло и стирать простыню.

Чэнь Линлин обняла сына и спросила:

— Может, ты перестанешь мочиться? Иначе тебе придётся спать на улице с братом.

Хань И опустил голову, надул губы, а потом поднял глаза и сказал:

— Брат...

Чжэн Хайян был в замешательстве. Чэнь Линлин спросила:

— Брат? Что с братом?

Хань И:

— Брат... пописал.

Чжэн Хайян:

— ...

Чэнь Линлин расхохоталась, погладив сына по голове:

— Ещё толком говорить не умеешь, а уже сваливаешь вину на других? Это ты пописал, а не брат.

Хань И упрямо повторил:

— Брат!

<http://bllate.org/book/16484/1498083>